

Глава 31. Отголоски былых снов (часть 2)

Видно, за годы службы привычка брать след въелась в самую плоть: Цзян Ехун невольно переключился в режим расследования.

— У этой госпожи пропала дочь?

Жун Жо осторожно потянул его за край рукава:

— Старший брат Чу, кажется, это владелица швейной лавки «У». Я видел, как она приходила в ямэнь подавать прошение.

Цзян Ехун удивился.

— Когда это было? Почему я не в курсе? Лао Чжао, А-Жо правду говорит?

Чжао Чэнь замялся:

— Да, позавчера вечером. Тебя, глава Чу, как раз на месте не было. Мы уже и листовки с приметамы расклеили.

Цзян Ехун метнул в него недовольный взгляд:

— Впредь, даже если меня нет, докладывайте о любом деле, малом или большом.

Чжао Чэню стало неловко:

— После того случая в деревне Девяти Семей император велел Синбу и Суду по государственным делам поднять все висяки. В нашем Ямэне тоже завалы старых свитков. Мы все с головой ушли в архивы, вот оно и вылетело из головы... В следующий раз обязательно доложу. Хозяйка У, ваша дочь так и не вернулась?

У Хуэйюнь промокнула слезы в уголках глаз:

— Нет, никаких вестей. Как же так, среди бела дня пропала... Это всё я виновата, я! Не надо было на неё кричать. Но и она хороша — неужели до сих пор мой нрав не изучила? Мать ведь всегда говорит одно, а в сердце — другое. Да, иногда я бываю резка, но ведь только ради её же блага! Зачем же так со мной по-злому...

У Хуэйюнь была вне себя от горя. Она была заплакана, и в каждом жесте читалась невыносимая тоска по ребёнку. Цзян Ехун искренне ей посочувствовал.

— Хозяйка У, ваша дочь ушла из дома в гневе из-за вашей ссоры?

Заметив на себе взгляд Цзян Ехуна, женщина вздрогнула. Она заметно побледнела и поспешно отвела взгляд, прикрывая лицо платком.

— Ловец Чу, вы — первый сыщик столицы, вы же мастер распутывать любые узлы... Прошу вас, умоляю, найдите мою девочку! Она у меня единственная...

У Хуэйюнь рухнула на колени. Цзян Ехун тут же подхватил её под локти, не давая коснуться земли.

— Встаньте, госпожа У, прошу вас. Я сделаю всё, что в моих силах, но сначала расскажите по порядку: как всё произошло?

Женщина всхлипнула, шмыгая покрасневшим носом:

— Дело было так... Позавчера моя Сяо Мэн испортила кусок дорогого шёлка. Я сорвалась, отчитала её. В своё время я сама, стежок за стежком, подняла лавку «У» из ничего... Возможно, я слишком требовательна к ней, но ведь всё ради её будущего! Моё здоровье с каждым годом слабеет, кто знает, сколько мне осталось? Я хотела, чтобы она переняла моё мастерство, сохранила семейное дело. Какая мать не желает счастья своей дочери?

У Хуэйюнь снова зарыдала.

— Я долго её отчитывала, не выбирая выражений. Она вспылила и выбежала за порог. Я тогда тоже была в ярости и не велела слугам догонять её. Кто же знал, что наступит ночь, а Сяо Мэн так и не вернётся... Тут-то я и запаниковала, бросилась в Ямэнь. Ловец Чу, найдите её, умоляю...

— Успокойтесь, госпожа У. Сначала позаботьтесь о собственном здоровье. Я приложу все усилия, чтобы отыскать её след, — пообещал Цзян Ехун.

— Благодарю вас, господин ловец, — прошептала она, и, поддерживаемая слугами, медленно вышла из храма Хунье Севера.

Цзян Ехун легонько коснулся плеча Жун Жо:

— О чём задумался?

Жун Жо помедлил, а затем негромко произнёс:

— Странно всё это. Когда хозяйка У увидела тебя, брат Чу, в её взгляде промелькнул испуг. Обычно люди, ищущие помощи у стражи, ведут себя иначе. Она выглядела встревоженной. Впрочем, может, мне просто показалось.

Чжао Чэнь, поглаживая щетину на подбородке, веско добавил:

— А ведь верно. У неё вид был такой... будто она столкнулась с кем-то, кого предпочла бы не видеть.

— Будто совершила что-то дурное и при виде закона невольно занервничала, — подхватил мысль Жун Жо.

— Вот-вот! — согласился Лао Чжао. — Именно это чувство.

Сам Цзян Ехун этого даже не заметил и теперь чувствовал себя слегка неловко.

— У неё есть муж? Отец девочки не беспокоится?

Чжао Чэнь махнул рукой:

— Госпожа У — женщина своенравная. В молодости была слишком разборчива, метила высоко, так и не нашла того, кто пришёлся бы ей по сердцу. До сих пор одна векует.

Цзян Ехун даже проникся к ней уважением — одной поднять известную на всю столицу лавку дорогого стоит.

— Тогда чья же это дочь?

— Лет семь-восемь назад она подобрала сироту. Точно, семь лет назад — как раз тогда на улице Чунмин вспыхнула чума, косившая людей направо и налево, я хорошо помню тот год. Девочка выросла умницей и красавицей, а её вышивка — это нечто заповедное. Лавка процветает во многом благодаря её таланту. Говорят, птицы и цветы на её работах словно живые.

Цзян Ехун, уже переступая порог храма, спросил через плечо:

— У Сяо Мэн есть близкие друзья? Может, она просто ушла к кому-то из них переждать обиду?

— В том-то и дело, что нет. Девочка целыми днями за пальцами, когда ей знакомства заводить? — Чжао Чэнь покачал головой. — Кстати, когда У Хуэйюнь подавала заявление, она вела себя странно. Мы спрашивали, куда дочь могла пойти — не знает. В какую сторону убежала — не

видела. Видел ли кто-то из домашних — тоже не в курсе. Ничего не знает, а «помогите найти». Сяо Мэн и раньше убегала после ссор, но в этот раз дело дошло до Ямэня.

Цзян Ехун нахмурился.

— Раньше убегала? Что это значит?

— Поговаривают, хозяйка У держит дочь в ежовых рукавицах. Соседи не раз слышали крики и брань, а иногда и побои. Отношения у них, прямо скажем, натянутые. Сяо Мэн срывалась и вылетала из дома, но всегда возвращалась. Материнские обиды ведь недолговечны, — вздохнул Чжао Чэнь.

— Обиды — может быть, — тихо отозвался Жун Жо, опуская глаза. — Но если они копятся годами, даже кровные узы превращаются в путы. Ненависть растёт по капле, пока не станет ядом.

Его голос звучал так мягко, что Чжао Чэнь едва расслышал его. Он удивленно посмотрел на юношу: рассуждает совсем не как подросток, а как человек, познавший горечь жизни. Лао Чжао лишь покачал головой — наверное, просто случайная мысль.

— Выходит, У Хуэйюнь перегнула палку с воспитанием. Может, поэтому она и нервничала при встрече со мной? — рассуждал Цзян Ехун.

— Возможно. Но мне показалось, что это был не просто стыд, а именно страх. Словно она скрывает какую-то тайну, — добавил Жун Жо.

— Логично. Два дня — долгий срок для простой обиды. Лао Чжао, поспрашивай ещё. Выясни, видел ли кто-нибудь, куда именно Сяо Мэн направилась в тот день. Девчонка без гроша в кармане не может долго бродить бесцельно — ей нужно где-то есть и спать.

— И то верно. Похоже, в этот раз она твёрдо решила проучить мать. Эх, нельзя быть такими суровыми с детьми. Тем более, когда нет родства по крови — трещина только глубже становится.

Жун Жо закрыл глаза:

— Родная кровь тоже не гарантия. Чужая душа — потёмки, никогда не знаешь, когда тебе вонзят нож в спину.

Чжао Чэнь этого уже не слышал — он торопливо вешал на пояс очередной «счастливым амулет», купленный в храме.

— Пойду вниз, отправлю ребят на опрос.

Проводив его взглядом, Цзян Ехун раздраженно буркнул:

— Неужели этот притон для суеверных и впрямь так популярен?

Жун Жо оглянулся на клёны у храма — их листва полыхала алым пожаром на фоне осеннего неба.

— Говорят, Цзян Ехун обожал красные клёны. Поэтому, когда строили храм, их высадили повсюду. Красиво ведь.

Он едва не скрипнул зубами. «Красиво, черт возьми!» Будь его воля, он бы разнёс эти хоромы по камешку.

— Любил он их, как же... Глупости всё это. Он постиг восьмой уровень техники «Пылающего зонта» именно под клёном, вот и всё. Как вообще люди умудряются превращать факты в такую слащавую чушь? Слухи — сущее проклятие.

— Вот как? — Жун Жо искренне удивился. — В его имени есть иероглифы «Красный лист», вот все и решили, что он питал к ним слабость.

У Цзян Ехуна сжалось сердце.

— Ещё одна сказка. Он рос в нищете. Его отец был простым неграмотным крестьянином, у которого было четверо сыновей. По старшинству его и назвали — Цзян Сяосы, Цзян Четвёртый. Позже, когда он начал путь в мире боевых искусств, над этим именем долго потешались. Он даже хотел вернуться к наставнику, Кань Юэфэну, чтобы тот придумал что-то посolidнее, но старик оказался ещё безнадёжнее в этом плане — предложил назваться Цзян Сяосяо, «Крошка Цзян». Разумеется, Сяосы отказался. А в пятнадцать лет он сразился на Синем озере с величайшим мечником тех времён и сокрушил его. Весь берег тогда был засыпан багряной листвой, и это напомнило ему строки: «На восходе речные цветы ярче пламени». Тогда-то он и назвался Цзян Ехун — Пурпурным Листом на Реке.

Жун Жо широко раскрыл глаза, слушая этот рассказ как замороженный.

— Так вот откуда взялось его имя... Брат Чу, откуда ты всё это знаешь?

Цзян Ехун поспешно отвёл взгляд, уставившись куда-то вдаль.

— Тоже мне секрет... В мире боевых искусств об этом каждый второй знает. Я же ловец, со всяким людом общаюсь, нахватался понемногу.

— Вот оно что... Но «Цзян Ехун» и вправду звучит куда лучше, чем «Цзян Сяосы».

Цзян Ехуну было не до смеха, особенно когда эти слова слетали с губ Жун Жо. «Ладно, — подумал он, — по крайней мере, парень не догадывается, кто стоит перед ним».

— Пойдём скорее. Нужно заняться поисками Сяо Мэн.

Жун Жо, весело подпрыгивая, зашагал впереди. Зелёные ленты в его волосах трепетали на ветру. Глядя на его тонкую фигуру, Цзян Ехун почувствовал, как сердце предательски забилося чаще. Жун Жо всего восемнадцать — в этом возрасте и положено быть таким светлым и полным жизни. С тех пор как они стали жить под одной крышей, юноша стал улыбаться гораздо чаще. Цзян Ехун не знал, каким он был раньше, но сейчас эта улыбка стоила всех сокровищ мира.

Жун Жо вдруг обернулся. Цзян Ехун замер на каменных ступенях. Форма ловца — чёрная с красным — сидела на нём безупречно, подчёркивая статную фигуру. С лицом Чу Фэя — холодным, благородным, с глубоким взглядом — он воплощал собой самую справедливость и мужество.

Заметив, что юноша пристально на него смотрит, Цзян Ехун смутился.

— Чего ты?

— Просто подумал, что ты, брат Чу, необычайно красив. Засмотрелся немного... Ты ведь не сердишься?

«Красив...» Цзян Ехун вспыхнул. Он прикрыл грудь рукой и ускорил шаг, чувствуя, что лицо сейчас просто сгорит. Жун Жо считает его красивым! Но тут же пришла горькая мысль: «Это тело принадлежит Чу Фэю. Ему нравится внешность Чу Фэя, а не моя». Раньше-то Цзян Ехун обладал лицом, которое называли «ликом демона при сердце героя» — слишком соблазнительным, почти женственным в своей опасной красоте.

Жун Жо догнал его и робко ухватился за край рукава. Он испуганно посмотрел:

— Брат Чу... я сказал что-то не то?

<http://bllate.org/book/17428/1659944>